

Предисловие

Книга, которую вы собираетесь прочитать, основана на реальных событиях. Насколько — писательница в свойственной ей ироничной манере рассказывает в небольшом послесловии. Однако нам показалось важным *предварить* текст романа описанием контекста, в котором живут герои книги. В 1640-е годы в Англии происходило столько важных для истории страны событий, что полноценный рассказ о них занял бы сотни страниц. В нашем небольшом предисловии неизбежно присутствуют упрощения, но читатели, которых эта эпоха заинтересует, смогут при желании найти множество прекрасной, подробной литературы.

Действие романа разворачивается в Эссексе во время Английской гражданской войны.

Конфликт между Карлом I и парламентом длился несколько лет. В 1642 году король созвал войска — его сторонников будут называть «кавалерами» — и двинулся на Лондон. В ответ парламент — точнее, Палата общин, чьи депутаты были созваны за два года до этих событий, но отказались расходиться по королевскому приказу — призвал к оружию своих сторонников. Их назовут «круглоголовыми» — из-за короткой стрижки, отличавшейся от аристократической моды на длинные локоны.

Эссекс оказался одним из графств, где влияние парламента было особенно сильным и где вскоре развернулась так называемая «Восточная ассоциация», собравшая отдельные местные ополчения в единую армию. Разрозненные и плохо обученные отряды парламента под началом

умелых командиров скоро превратились в профессиональную армию, которая нередко одерживала победы даже над королевскими войсками, готовыми к боевым действиям. Среди командующих новоиспеченной армией парламента выделился и быстро завоевал популярность человек по имени Оливер Кромвель (впоследствии, как мы знаем, его ждала большая карьера, но это уже выходит за рамки нашего повествования). Командующие обеих сторон пользовались возможностью комплектовать свои армии через призыв, поэтому взрослых мужчин в некоторых городах, подобных Мэннингтри и Мистли, вскоре практически не осталось.

Конфликт между парламентом и королем одновременно был конфликтом между приверженцами новых представлений о том, какой должна быть Церковь, и теми, кого первые обвиняли в «папизме». Надо сказать, Англия отделилась от католической церкви еще в прошлом (XVI) столетии, когда король Генрих VIII объявил себя главой христиан на ее территории. Однако к 1640-м многим англичанам казалось, что новая — официальная англиканская — церковь слишком похожа на старую, а королева-француженка и фавориты Карла, видимо, хотят вернуть страну под власть папы, а потому не только королева, но и сам король — больше не богоизбранный правитель, а слуга тьмы. В армии же Кромвеля и на территориях, подконтрольных парламенту, преобладал радикальный протестантский дух: в 1643 году (в этом году начинается действие книги) парламент объявил, что в Англии должны быть разрушены все «памятники суевериям и идолопоклонничеству», и самоназначенные исполнители указа, такие как Уильям Даусинг, отправились по городам и селам сбивать скульптуры и бить витражи в приходских церквях. Радикальным протестантам не нравилось и устройство Церкви, власть внутри которой во многом продолжала принадлежать епископам, — вместо них, как предлагали многие парламентарии, общины верующих должны сами избирать себе священников среди образованных и достойных своих представителей. Роскошь в одежде и быте, мно-

гие развлечения, например театр, тоже считались пуританами признаком приверженцев короля и папы. Поэтому, хотя на самом деле многие аристократы были на стороне парламента и протестантов, в народном восприятии даже мелкие дворяне становились объектом нападок — вплоть до погромов в их имениях.

Важно, что новости распространялись как очень быстро — благодаря почте, бродячим торговцам и проповедникам, памфлетистам и газетерам, так и очень медленно, по пути обрастая невероятными подробностями и превращаясь в слухи. Вместе со слухами страну наводнял страх — перед неурожаем и голодом, перед эпидемиями, перед королевскими (а где-то — перед парламентскими) войсками, которые то ли вот-вот будут разбиты, то ли скоро войдут в город и начнут вешать честных людей перед собственными соседями или отправлять их как рабов в колонии.

Как и в другие времена больших потрясений, английские христиане ждали скорого наступления конца света, перед которым их должно было ждать явление Антихриста и разгул слуг Сатаны. «Избранные» — те, кто верил, что отмечены дланью Божьей и назначены в рай, — не забывали, что Дьявол близко. Дьявол и его слуги — это католические священники и те, кто прячет их в тайных церквях в своих поместьях или продолжает молиться на латинском наречии. Это и сторонники короля — поэтому солдаты армии Кромвеля видели себя чуть ли не «святым воинством». Это ирландцы, оставшиеся под властью папы. Наконец, это, конечно же, ведьмы. Женщины, оставшиеся без присмотра мужчин — равно без надзора, но и без защиты мужа, или отца, или хотя бы брата, — пугали, казались легкой добычей для бесов. Конечно, женщины должны, ради их спасения, учить катехизис, понимать слово Божье, — но кто знает, что они, предоставленные сами себе, могут надумать, как неправильно его истолковать? Ребекка Уэст (юная героиня романа), кстати, прекрасно способна упоминать в разговоре библейские стихи по памяти, наравне с мужчинами. И весь текст романа пронизан цитатами из Писания, что замечательно отражает ту роль, которую

в мировосприятии современников описываемых событий играл священный текст. Слугой парламента и истинной веры объявил себя и Мэтью Хопкинс, чья деятельность по поиску ведьм легла в основу сюжета романа.

Возможно, это небольшое введение нарисовало слишком печальную, беспросветную картину Восточной Англии 1643–1644 года — такой она наверняка казалась и многим ее жителям. Что мы знаем точно, было немало тех, кто покидал родные края в поисках лучшей жизни — земли, хлеба или же настоящей праведности в «новом Иерусалиме», каким им виделся Новый Свет...

Но, как в любые времена, в этой тяжелой жизни было место — словно лучам солнца в сумрачный день — и человеческим чувствам, и дружбе, и повседневной радости.

Мы счастливы, что нам довелось перевести эту прекрасную книгу. Несмотря на намеренно тяжеловатый язык, она читается на одном дыхании; кажется, что главные герои были именно такими, какими их нарисовала нам Блэйкмор. Но, самое главное, тема не теряет актуальности и по сей день. Как и раньше, в смутные или тяжелые времена, появляются свои охотники на ведьм, основная масса населения превращается в более или менее равнодушных зрителей, а несогласные с таким положением дел либо становятся объектами этой охоты, либо смотрят в сторону иных берегов... И точно так же, как и на страницах книги, во все времена в человеческом сердце есть место для надежды и любви.

Анастасия Олейник, переводчица.
Анна Шетникова, историк, консультант
в процессе перевода

Полу Блэйкмору

...тогда все они советуются с Сатаной, как спастись, и Сатана тут как тут, вопрошает: «Что мне сделать для вас, родные и самые любимые дети моего адского союза, соблюдающие мой завет и скрепившие договор своей кровью, мои нежные, соблазнительно-желанные...».

*Мэтью Хопкинс.
Обнаружение ведьм.
1647*

1643

Если бы восприятие наших ведьм не было бы искажено, а их разум не был бы замутнен этими чудачествами, они не стали бы так добровольно и с готовностью признаваться в том, что ставит их жизнь под вопрос.

*Реджинальд Скот.
Обнаружение колдовства.
1584*

1

Мать

Влажный холм в предрассветной дымке, куст боярышника с пожухлыми соцветиями — жалкий вид. Я проснулась, надела свое рабочее платье — в общем-то, мое единственное платье, — а она все еще спит. *Старая кобыла. Выпивоха. Мать.* Я стою у изголовья кровати и внимательно изучаю ее лицо. Луч восходящего солнца падает сквозь окно на ее левую щеку. Черные волосы разметались по подушке — спутанные, сальные, местами с проседью.

Когда она спит, от нее исходит запах. Его сложно описать; мне кажется, так пахнут мужчины. Похожий я чувствовала, когда меня, еще маленькую, отправляли за отцом в «Красного льва», чтобы позвать его к ужину. В трактире стоял гул мужских голосов, сдобренных кислым элем, и когда отец был как следует навеселе, он подхватывал меня и целовал в лоб, и от его плаща пахло свежестью большого поля после дождя. А потом мы вместе шли из пивной в Лоуфорд, взбираясь на холм, — моя крошечная ручка в его гораздо более крупной руке. Отец давно умер — пятнадцать лет назад.

Поэтому мы с матерью — сейчас она храпит так, что, как говорится, способна разбудить самого Дьявола, — спим вместе, бок о бок, в единственной спальне дома, который для нас построил уже-пятнадцать-лет-как-покойник. В доме три скудно обставленные комнаты; две кровати, одно окно, штукатурка, синяя от

плесени. Подозреваю, в этих стенах заводится всякое разное. Я знаю наизусть все звуки, испускаемые ее плотью, и все ее трудно описуемые мужские запахи. Странно, что когда-то я была у нее внутри. Плоть от плоти, ее плоть.

Я заставляю свой взгляд задержаться на ее лице. Оно настолько спокойно, что кажется, будто его коснулась печать смерти или что это лицо статуи. Но даже неподвижное, оно далеко не так безмятежно, как у скульптур, которые я когда-либо имела удовольствие видеть, будь то в церкви или на кладбище, в Мэннингтри или Мистли (не то чтобы в Эссексе осталось особенно много подобных изображений теперь, когда Даусинг и его прихлебатели сделали свое дело, содрав святых мучеников с церкви Св. Марии и соорудив для них костер на ближайшем пастбище). Даже когда она спит, кажется, что ее характер определяет каждую черточку, каждую морщинку сухого лица, как штамп изготовителя ложится на оплывший кусочек масла.

Ее христианское имя — Энн, но все зовут ее *Бельдэм Уэст*. Это имя идет ей, потому что звучит размашисто и греховно; оно звучит будто название того грязного места из Библии, которое Господь поразил большими метеоритами. *Бельдэм*. «Belle» — французское слово, означающее «красивая» (это не про мою мать, хотя говорят, она такой когда-то была). А «дэм» напоминает о слове «демон». Полагаю, продолжать рассуждения дальше мне не стоит.

Я разбираю мать по косточкам — у меня есть эта возможность, пока она спит, — изучаю каждую деталь, одну за другой. Ее длинный нос искривлен, потому что был сломан. Это случилось по меньшей мере единожды — на моей памяти — четыре года назад в результате замечательнейшего хука справа от госпожи Роубуд, когда они поссорились поздней весной среди грядок с душистыми травами. Я не помню, по какому поводу они повздорили

в тот раз, но помню улюлюканье мужчин, столпившихся за забором поглазеть на это. Я помню момент удара. Помню, как мать отбросило в куст розмарина — ладонь прижата к лицу, между пальцев сочится кровь; она упала прямо на горшки среди россыпи голубых цветочков — послышался сладкий аромат. Я и по сей день, едва чувствую запах розмарина, еле могу удержаться, чтобы не рассмеяться в голос. Госпожа Рубуд, конечно, уже покойница — именно так заканчивают все те, кто обижает мою мать. Смотрю на нее, вдыхаю этот запах — и меня уносит в иные места и иные времена. Или даже так: понимание иных мест и иных времен приходит ко мне, когда я смотрю на нее и вдыхаю ее запах, — это и значит иметь мать.

Но хватит отвлекаться. Щеки у нее впалые, коричневая кожа туго обтягивает скулы. Этот неосторожный солнечный луч из окна выбеливает ее подбородок и висок, сглаживая тонкие морщинки, которые возраст нарисовал в уголках глаз и вокруг рта (будто кошачьи усы). Лоб обгорел на солнце. Кожа на шее рыхлая, словно все эти складки расслабились от радости, что они на приличном расстоянии от жестоких глаз и острого языка, которые в такой немилости среди наших соседей; шея как у хорошо откормленного борова — мешковатая, бесцветная и отталкивающая.

Но хуже всего — ее рот. Когда она спит, ее тонкие губы слегка приоткрыты и в уголках, где скапливается, а затем высыхает слюна, появляется налет. Если заглянуть в это красное отверстие, можно различить атласную внутренность рта и увидеть коричневые от жевания табака зубы, рассмотреть, как шевелится влажный корень языка, будто во сне мать разговаривает с кем-то. Или, что более вероятно, ругается.

И тут меня посещает очень нехристианская мысль: как бы мне хотелось иметь что-нибудь мерзкое под рукой, чтобы засунуть ей в рот. Я воображаю, как держу